

Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94).
Political Linguistics. 2022. No 4 (94).

УДК 811.111'42:811.111'38
ББК ШП43.21-51+ШП43.21-55

ГСНТИ 16.21.33; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

Екатерина Андреевна Никонова

МГИМО МИД России, Москва, Россия, Ekatrikon2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9260-4554>

Анализ аргументативной структуры жанра «аналитическая статья» как инструмент выявления псевдоаналитических публикаций

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается аргументативная структура жанра «аналитическая статья», анализ которой может выступать в качестве способа выявления псевдоаналитических публикаций. Отмечено, что намеренное маркирование пропагандистских текстов как аналитических повышает уровень доверия читателей к ним и, как следствие, облегчает навязывание населению «выгодной» для заинтересованной стороны позиции; в этой связи установление псевдоаналитичности является важным инструментом противодействия информационным войнам. Материалом исследования послужил корпус из 30 текстов качественной англоязычной прессы — изданий «The Washington Post», «The Independent», «The Guardian» за 2020—2022 гг., опубликованных с пометкой «analysis». В качестве методов исследования использовались логико-семантический, контекстуально-композиционный, концептуально-семантический, прагматический, когнитивно-семантический анализ, а также инструменты дискурсивного анализа. Установлено, что в качестве индикаторов псевдоаналитичности могут выступать следующие искажения аргументативной структуры аналитической статьи: 1) имплицитно выраженный тезис; 2) базирование связи элементов аргументативной структуры не на логических основаниях, а на апелляции автора к чувственно-когнитивной сфере; 3) создание видимости баланса мнений за счет приведения контраргументов, которые представляют собой намеренные аргументативные ошибки, целью которых является манипуляция сознанием адресата; 4) нацеленность аргументации не на доказательность, базирующуюся на строгих логических правилах рассуждения, а на воздействие на адресата. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что маркировка текстов пропагандистского характера как «analysis» является одним из инструментов введения читателя в заблуждение с целью навязывания ему определенных идей, а также эффективным инструментом ведения медиавойн.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, медиадискурс, медиатексты, СМИ, средства массовой информации, язык СМИ, языковые средства, английский язык, англоязычные СМИ, политический дискурс, аналитические статьи, псевдоаналитика, медиавойны, аргументация, политическая пропаганда.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Никонова Екатерина Андреевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра английского языка № 3, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76, к. 4128; e-mail: Ekatrikon2014@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никонова, Е. А. Анализ аргументативной структуры жанра «аналитическая статья» как инструмент выявления псевдоаналитических публикаций / Е. А. Никонова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 81–89.

Ekaterina A. Nikonova

MGIMO University, Moscow, Russia, Ekatrikon2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9260-4554>

Analysis of the Argumentative Structure of the Genre of “Analytical Article” as an Instrument for Identification of Pseudo-Analytical Texts

ABSTRACT. The article examines the argumentative structure of the genre “analytical article” as an instrument for pseudo-analytical text identification. It is noted that intentional marking of propaganda texts as analytical boosts their credibility and, as a result, makes it easier to impose the desired views and ideas on the readers. In this regard, the identification of the pseudo-analytical nature of publications may become an important instrument for counteracting information warfare. The research material embraces a corpus of 30 texts from the leading English-language quality papers, such as “The Independent”, “The Washington Post” and “The Guardian”, published in 2020–2022. The research methods include logico-semantic, contextual-compositional, conceptual-semantic, pragmalinguistic and cognitive-semantic analysis, as well as certain techniques of discourse analysis. The study argues that the following deformations of the argumentative structure can act as indicators of pseudo-analytical nature of the article: 1) an implicitly formulated thesis; 2) connecting the elements of the argumentative structure not on the basis of logic, but on the author’s appeal to the readers’ emotions; 3) creation of an illusion of the balance of opinions by providing counter-arguments which are deliberate argumentative mistakes aimed to manipulate the addressee’s consciousness; 4) orienting the argumentation not towards proving a point of view on the basis of strict logical rules, but towards influencing the reader. The research conducted allows the author of the article to conclude that marking propaganda texts as “analytical” is an important instrument for deceiving the reader with the purpose of imposing certain ideas upon them and an effective tool for waging media wars.

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, media discourse, media texts, mass media, mass media language, language means, English language, English-language mass media, political discourse, analytical articles, pseudo-analytics, media warfare, argumentation, political propaganda.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Nikonova Ekaterina Andreevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, English Department №3, MGIMO University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Nikonova E. A. (2022). Analysis of the Argumentative Structure of the Genre of "Analytical Article" as an Instrument for Identification of Pseudo-Analytical Texts. In Political Linguistics. No 4 (94), pp. 81-89. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Аналитическая статья остается одним из наиболее противоречивых жанров современной журналистики ввиду отсутствия единого мнения исследователей относительно ее жанрообразующих характеристик, что в ряде случаев ставит под сомнение возможность существования аналитической статьи как полноценного, самостоятельного явления. Одной из причин данной неопределенности (помимо объективной сложности исследуемого объекта) может быть наличие достаточно большого количества псевдоаналитики в современных СМИ, т. е. текстов, которые публикуются с пометкой «analysis», однако по своей сути такими не являются, отличаются высокой степенью субъективности и часто пропагандистской направленностью. Подобный прием «подмены жанра» сегодня особенно распространен, поскольку пропаганда в большинстве демократических стран даже в условиях информационной войны носит «более замаскированный и не столь тотальный характер» [Барабаш 2016: 153], что предполагает наравне с фальсификацией информации сохранение внешней объективности и показной свободы критики. То есть в СМИ допускаются реальные дискуссии и точки зрения, противоположные правительственным, однако все это подвергается препарированию и манипуляциям, чтобы подчинить целям медиавойны. Таким образом, намеренное маркирование пропагандистских текстов как аналитических позволяет перевести их из разряда «текст-мнение» в статус текста, транслирующего выверенную объективную информацию, что повышает уровень доверия читателей к ним и, как следствие, облегчает навязывание населению «выгодной» для правительства позиции. Однако наличие в СМИ именно такого рода публикаций создает ощутимую погрешность в результатах исследований аналитической статьи как самостоятельного жанра, следствием чего является неопределенность ее характеристик и сомнение в праве аналитической статьи на существование как самостоятельного жанра. Таким образом, актуальным становится вопрос об определении способов выявления псевдоаналитических публикаций. В качестве тако-

го инструмента может выступать анализ аргументативной структуры жанра «аналитическая статья». Так, аргументативность является одной из ведущих черт аналитической статьи (К. В. Гудкова [Гудкова, 2009]; Д. Ц. Доржиева [Доржиева, 2018]; М. П. Котюрова [Котюрова, 2011]; А. А. Тертычный [Тертычный 2013: 263]), реализующей нацеленность жанра на анализ, исследование, истолкование причинно-следственных связей происходящих событий. При этом основная форма аргументации в аналитической статье — доказательство, базирующееся на совокупности логических приемов обоснования истинности суждения с помощью других истинных или связанных с ним суждений [Анисимова 2010: 46]. Кроме того, для аналитической статьи характерна структура аргументации, состоящая из аргумента и контраргумента, что позволяет создать баланс мнений и достичь наиболее объективного отражения действительности. Наличие же в тексте инструментов некорректного аргументирования (софизмов) или преднамеренных аргументативных ошибок нарушает аналитический характер жанра и способствует развитию псевдоаналитичности текста. Таким образом, цель нашего исследования — выявление искажений аргументативной структуры, приводящих к псевдоаналитичности текста. Нами собран исследовательский корпус из 30 текстов качественной англоязычной прессы — изданий «The Washington Post», «The Independent», «The Guardian» за 2020—2022 гг. В качестве иллюстративного материала в рамках данной работы использовалась статья «On the novelty of calling a killer a killer», опубликованная в «The Washington Post» и имеющая маркировку «analysis» (Приложение 1). Достижение поставленной цели требует решения следующих задач: 1) описать аргументативную модель анализируемой статьи и дать определение ее структурным элементам; 2) определить логические связи между элементами аргументативной структуры. В задачи работы не входит исследование аргументативной направленности языковых единиц исследуемой статьи, а также описание аргументативных стратегий и тактик, применяемых автором статьи, однако при необходимости данные вопросы будут затронуты.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Разработка вопроса аргументации ведется в различных научных направлениях: логическом, философском, психологическом, риторическом, лингвистическом и т. д. В рамках данного исследования использовались эти наработки в тех аспектах, которые относятся к лингвистике. Так, структура аргументации анализируется с позиций логико-философской парадигмы (Г. А. Брутян [Брутян 1984], А. А. Ивин [Ивин 2019], S. E. Toulmin [Toulmin 1958]) и, соответственно, включает такие обязательные элементы, как тезис (утверждение, которое необходимо обосновать, чтобы адресат его принял), аргументы первого порядка (доводы илисылки), которые могут быть выражены прямо или имплицитно (имплицитная или скрытая аргументация свидетельствует о коммуникативной тактике навязывания, ее аргументативная сила ниже, чем у прямой аргументации), основание (общее положение, обеспечивающее связь между тезисом и аргументом), а также дополнительные элементы, такие как аргументы второго порядка (или поддержка, т. е. все дополнения, направленные на поддержание аргумента), контраргумент (или оговорка), ограничитель (выражает степень уверенности автора в его утверждении) [Toulmin 1958: 14–36]. Также разделяем позицию, выработанную в рамках прагматодialeктического подхода к аргументации (J. Benthem [Benthem, 1996], F. Eemeren [Eemeren, 2001], B. Garssen [Eemeren, Garssen 2001]), согласно которой аргументация должна базироваться на строгих логических правилах рассуждения. Допускается усиление логической схемы построения рассуждения риторическими элементами (поскольку они широко используются в повседневной жизни), однако они не должны заменять аргументацию с четко представленной логической схемой [Добрякова 2003]. Аргументация, выстроенная в соответствии с риторическим подходом (Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1969], Д. Карнеги [Карнеги 2003], Зарецкая [Зарецкая 1999] и т. д.), согласно которому в основе построения аргументации лежит не критерий логичности и достоверности, а «дескриптивное понимания элементов, которые вносят вклад в убеждающий эффект дискурса» [Гудкова 2009: 22], рассматривается нами как пример неполноценной и неадекватной аргументации.

При анализе аналитической статьи будем учитывать ряд положений, характерных для любого аргументативного текста. Аргу-

ментативный текст является продуктом рационального постижения мира и характеризуется эксплицитным или имплицитным присутствием аргументативной структуры, состоящей как минимум из тезиса, аргумента и вывода, а также нацеленностью на убеждение адресата в истинности тезиса, что подразумевает изначальную интенцию несогласия реципиента с ним. Можно выделить два плана аргументативного текста, связанных с вертикальным и горизонтальным членением текста [Гудкова 2009: 51]. Первый план характеризует глобальную связность текста и предполагает наличие главного тезиса и направленность всех аргументативных структур, так или иначе, на обоснование этой пропозиции. Второй план аргументативного текста обеспечивает локальную связность текста, т. е. включает элементы, не входящие в аргументативную структуру всего текста, но обеспечивающие естественное развертывание рассуждения.

Для реализации задач исследования использовался комплекс методов: логико-семантический (при установлении взаимосвязи между тезисом и аргументами и для осмысления аргументов с учетом контекста их употребления), контекстуально-композиционный (при анализе композиционной модели текста), а также концептуально-семантический, прагматический, когнитивно-семантический анализ и инструменты дискурсивного анализа (при смысловом анализе текста).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для аналитической статьи характерно наличие достаточно четкой структуры (К. А. Огнева [Огнева, 2012], А. А. Тертычный [Тертычный 2016]), в которой тезис занимает важное место и может быть сформулирован в заголовке статьи или сразу после информативного блока. В исследуемой статье тезис характеризуется имплицитностью, т. е. «не воплощен в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечен из последнего при его восприятии» [Долинин 1983: 43]. Отказ от прямого формулирования тезиса, во-первых, свидетельствует о возможном желании автора навязать мысль, содержащуюся в нем, а не подвести к ней читателя путем логического построения аргументации, а во-вторых, нарушает прозрачность аргументативной структуры текста, что ставит под сомнение его объективность и беспристрастность. Контекст-анализ статьи позволяет выделить следующий тезис — «Putin is a killer». Ана-

Таблица 1

Аргументативная модель аналитической статьи «On the novelty of calling a killer a killer»

Абзац	Элементы аргументативной структуры	Краткое наименование
1-5	Тезис	Т
6	Аргумент первого уровня А 1	А1
7-11	Аргумент второго уровня к А 1	А 1.1
12-13	Аргумент второго уровня к А 1	А 1.2
14	Аргумент второго уровня к А 1	А 1.3
15-17	Контраргумент к Аргументу 1.3	КА 1.3
18-19	Опровержение Контраргумента к Аргументу 1.3	ОКА 1.3
20-22	Аргумент первого уровня А2	А 2
23	Аргумент первого уровня А3	А 3
24	Аргумент второго уровня А 3.1	А 3.1
25	Аргумент второго уровня А 3.2 и Аргумент второго уровня А 3.3	А 3.1; А 3.2
26	Контраргумент к Аргументу 3, Опровержение Контраргумента к Аргументу 3	КА 3 ОКА 3
27-29	Аргумент первого уровня А 4	А 4

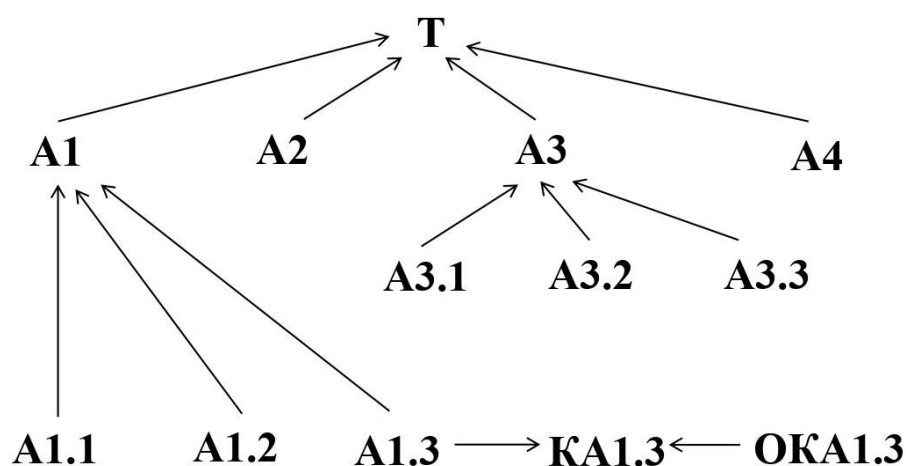

Схема 1. Аргументативная модель аналитической статьи «On the novelty of calling a killer a killer»

лиз горизонтального плана построения текста свидетельствует о наличии четырех аргументов, направленных на поддержание данного положения (см. табл. 1, схему 1); отметим, что поскольку акт аргументации требует высказывания, состоящего из более чем одного предложения, то часть аргументации остается в импликации [Еемерен 2009: 31–32], при этом «аргументатор может сам решить, какие утверждения в ходе аргументации могут быть оставлены в импликации, а какие должны явно формулироваться в качестве посылок» [Алексеев 2006: 47–48]. Для удобства в табл. 1 нами приводится нумерация абзацев статьи с указанием элементов аргументативной структуры, содержащихся в ней.

Глобальная аргументативная структура, обеспечивающая аргументативную связность текста, представляет собой многоуровневую сложноподчиненную систему, имеющую горизонтальную и вертикальную

направленность. На первом уровне в защиту главного тезиса выдвинуто четыре аргумента (А1, А2, А3, А4). Аргументы А1 и А3 выступают субтезисами (т. е. тезисом более низкого уровня), для обоснования которых используется аргументация более низкого уровня (А1.1, А1.2, А1.3 и А3.1, А3.2, А3.3 соответственно).

Связь между тезисом и аргументом А1 (Трамп систематично отказывался признавать, что Путин причастен к убийствам → Путин причастен к убийствам) не опирается на логический закон, а логические связи подменяются психологическими ассоциациями (см. ниже о связи А1 и А2). Аргументатор поддерживает его аргументами второго уровня А1.1, А1.2 и А1.3. При этом аргументы А1.1 и А1.2 являются аргументами к примеру (т. е. относятся к сфере неформальной логики): в них автор ссылается на два интервью, в которых Д. Трамп на прямой вопрос журналиста о том, считает ли он, что Путин причастен к убийствам, отвечал ук-

лончиво. Аргумент A1.3 является результатом умозаключения, построенного, на первый взгляд, на логической связи: Трамп избегает признавать причастность Путина к убийствам, потому что он связан личными отношениями с российским президентом. Информация о связи Трампа с российской элитой, и в частности президентом России, продолжительно муссировалась западными СМИ, однако не была подтверждена документами и осталась на уровне мифа, рассчитанного на эмоционально-интеллектуальный эффект. Использование подобной риторики, построенной на ассоциативной связи «Трамп — Россия — зло», признано манипулятивной тактикой медиавойны, чему посвящен ряд научных работ (см.: Ю. В. Шатин [Шатин 2020] и др.). Таким образом, аргумент A1.3 является риторическим, поскольку, приводя его, автор исходит из того, что «в аргументации важная вещь зависит не от знания того, что оратор считает истинным или важным, но от знания взглядов тех, к кому он обращается» [Perelman 1971: 23]. Именно A1.3 получает в тексте горизонтальное развитие, что позволяет создать эффект доказательности. В качестве контраргумента KA1.3 используются слова самого Трампа, в которых он доказывает, что его политика была наиболее жесткой по отношению к России (здесь наблюдается логико-риторический прием подмены аргумента, т. е. используется прием «предвосхищения основания», поскольку в качестве контраргумента используется положение, которое само нуждается в доказательстве). Далее автор приводит опровержение контраргумента KA1 (OKA1), в котором говорится о наличии доказательств службы разведки США о вмешательстве России в американские выборы с целью помочь Трампу стать президентом. OKA1 представляет собой косвенное обоснование, где ход мысли определяется тем, что вместо обоснования справедливости тезиса показывается несостоятельность его отрицания. При этом автор апеллирует к авторитетному лицу (служба разведки США), что является стандартным примером некорректной аргументации [Ивин 2019: 186—187]. Кроме того, отметим, что ни в тексте исследуемой статьи, ни по представленной гиперссылке никакие фактические данные, подтверждающие попытки России повлиять на исход американских выборов в 2020 г., не приводятся. Представляется, что автор осознает неубедительность данного аргумента, в связи с чем придерживается стратегии дистанцирования от транслируемой информации путем повторения ссылки на источник информации. Так, в рамках двух

предложений автор дважды ссылается на доклад Американской разведки («the director of National Intelligence released a report» [Bump]; «the report suggested» [Bump]), а также дополняет текст гипертекстуальной ссылкой, которую можно рассматривать в качестве мультимодального инструмента реализации эвиденциальности [Никонова 2022: 107]), что свидетельствует о его желании снять с себя ответственность за транслируемую информацию.

Что касается аргумента A2, то вместе с аргументом A1 они выстраивают концептуальную оппозицию «Трамп — Байден», в основе которой лежит противопоставление двух концептов «ложь» и «правда», отождествляемых с Трампом и Байденом соответственно. Автор использует уже выработанную западными СМИ оппозицию, которая является привычной, легко распознаваемой для читателей на когнитивном уровне: журналисты на протяжении многих лет закладывали идеи идентификации Трампа с ложью, неправдой и, напротив, Байдена — с правдой, честностью, открытостью. Таким образом, оба аргумента являются риторическими, не базирующимися на критериях логической достоверности аргументов, и могут быть эффективными только в отношении определенной аудитории, погруженной в актуальный дискурс западных СМИ.

Аргумент A3 является аргументом к здравому смыслу, т. е. представляет собой «обращение с целью поддержки выдвигаемого положения к чувству здравого смысла», базирующегося на истории и опыте жизни [Ивин 2019: 148—149]. Мысль о том, что когда человек лжет, а кто-то пытается его обличить, вызывает у него бурную реакцию, является прецедентным феноменом, что подтверждается тем, что данная идея отражена как в народном фольклоре (He who is guilty has much to say), так и в литературе (“So full of artless jealousy is guilt, It spills itself in fearing to be spilt” [Shakespeare W.]). Однако, по всей видимости, автор видит данный аргумент слабым обоснованием тезиса и поддерживает его тремя примерами-иллюстрациями — A3.1, A3.2, A3.3 — свидетельствующими о реакции пресс-секретаря РФ, представителя парламента РФ, а также самого Путина. Следующая часть текста содержит контраргументацию KA3. В качестве возможного аргумента оппонентов автор рассматривает мысль о том, что чрезмерная реакция российской стороны на слова Байдена вызвана устоявшимися геополитическими правилами поведения. Далее автор отвечает на этот аргумент оппонента, выдвигая следующее опровержение —

«Но реакция все-таки была» («But there was a response» [Bump]). Обратим внимание на использование коннектора «but», сигнализирующего о том, что автор берет на себя ответственность за защиту второго утверждения, т. е. данный аргумент является произвольным доводом и служит средством снижения категоричности.

Аргумент А4 базируется на авторской интерпретации пожелания Путина здоровья Дж. Байдену. При этом автор не приводит хода собственных мыслей (процесс рассуждения частично вынесен за рамки текста), ограничиваясь предложениями в абзацах 28 и 29, между которыми отсутствует причинно-следственная связь. Таким образом, информация подается так, что объекту воздействия кажется, будто он самостоятельно приходит к выводам, что является очевидным примером манипуляции, поскольку «природа манипуляции состоит в наличии двойного воздействия — наряду с посылаемым открыто сообщением манипулятор посылает адресату „закодированный“ сигнал, надеясь на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору. Это скрытое воздействие опирается на „неявное знание“, которым обладает адресат, на его способность создавать в своем сознании образы, влияющие на его чувства, мнения и поведение» [Кара-Мурза 2000]. Безусловно, данный аргумент не может рассматриваться как приемлемый для аналитической статьи.

ВЫВОДЫ

Анализ аргументативной структуры статьи «On the novelty of calling a killer a killer» позволяет сделать следующие выводы:

1. Глобальная аргументативная структура исследуемой статьи является прогрессивной (от тезиса к аргументам) и разворачивается на двух уровнях: горизонтальном и вертикальном. В тексте статьи оказываются задействованными различные элементы аргументативной модели, такие как аргументы первого порядка, аргументы второго порядка, контраргументы. Тезис статьи является имплицитным и должен быть сформулирован адресатом самостоятельно. Таким образом, формальная модель аргументации исследуемой статьи не соответствует принятым представлениям о разворачивании аргументативного текста, к которому относится аналитическая статья, поскольку тезис является его обязательным элементом.

2. Анализ связи элементов аргументативной структуры показал, что она базируется не на логических основаниях, а на апелляции автора к чувственно-когнитивной сфере.

3. Автор делает попытку создать определенный баланс мнений путем включения в аргументативную структуру анализируемой статьи контраргументов, что в целом характерно для аналитической статьи, поскольку любое явление сложно и многогранно и требует освещения различных позиций. Однако исследование показало, что приводимые контраргументы представляют собой намеренные аргументативные ошибки, целью которых является манипуляция сознанием адресата.

4. Можно сделать вывод о том, что аргументация в данной статье нацелена не на доказательность, базирующуюся на строгих логических правилах рассуждения, а на воздействие на адресата, таким образом, текст не может быть отнесен к жанру «аналитическая статья». Представляется справедливым утверждение, что его маркировка как «analysis» является одним из инструментов введения читателя в заблуждение с целью навязывания ему определенных идей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало продуктивность анализа аргументативной модели текста с целью определения его принадлежности к жанру «аналитическая статья». Представляется, что дальнейшие исследования, направленные на установление признаков псевдоаналитических публикаций, могут затрагивать более широкий спектр вопросов, таких как типология аргументативных ошибок в псевдоаналитических публикациях, рассмотрение стилистических приемов, используемых как инструменты псевдоаналитичности, исследование коммуникативных тактик и стратегии имитации аналитичности. В результате это позволит выработать более четкие представления о жанре «аналитическая статья».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев, А. П. Философский текст: идеи, аргументация, образы / А. П. Алексеев. — Москва : [б. и.], 2006. — 328 с. — Текст : непосредственный.
2. Анисимова, Т. В. Манипуляция как характеристика институционального дискурса / Т. В. Анисимова, Н. А. Крапчатова. — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2010. — 203 с. — Текст : непосредственный.
3. Барабаш, В. В. Информационные войны и медийное пространство: теоретические аспекты новейших изменений / В. В. Барабаш, Е. А. Котеленец. — Текст : электронный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2016. — № 3 (39). — URL: <https://clck.ru/gMgme>.
4. Брутян, Г. А. Аргументация / Г. А. Брутян. — Ереван : [б. и.], 1984. — 105 с. — Текст : непосредственный.
5. Гудкова, К. В. Когнитивно-прагматический анализ аргументации в аналитической газетной статье (на материале британской прессы) : дис. ... канд. филол. наук / Гудкова К. В. — Санкт-Петербург, 2009. — 184 с. — Текст : непосредственный.
6. Добрякова, Н. Н. Аргументативное сообщение как единица политической речи. Прагмалингвистический и интерак-

циональный аспекты анализа : дис. ... канд. филол. наук / Добрякова Н. Н. — Санкт-Петербург, 2003. — 200 с. — Текст : непосредственный.

7. Долинин, К. А. Имплицитное содержание высказывания / К. А. Долинин. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1983. — № 6. — С. 37—47.

8. Доржиева, Д. Ц. Специфика аргументативной структуры в типе текста «аналитическая статья» / Д. Ц. Доржиева. — Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 7-2 (85). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-argumentativnoy-struktury-v-tipe-teksa-analiticheskaya-statya>.

9. Зарецкая, Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. — Москва : [б. и.], 1999. — 480 с. — Текст : непосредственный.

10. Ивин, А. А. Теория и практика аргументации : учеб. для бакалавров / А. А. Ивин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2019. — 300 с. — Текст : непосредственный.

11. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Текст : электронный. — Москва : Эксмо, 2000. — URL: <http://www.kara-murza.ru/manipul.htm>.

12. Карнеги, Д. Язык убеждения / Д. Карнеги. — Москва : [б. и.], 2003. — 288 с. — Текст : непосредственный.

13. Котюрова, М. П. Интерпретация и аргументация в коммуникативной стратегии автора (на материале аналитических статей на экономические темы в газете «Экономика и жизнь») / М. П. Котюрова, А. Ю. Кетова. — Текст : электронный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2011. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-i-argumentatsiya-v-kommunikativnoy-strategii-avtora-na-materiale-analiticheskikh-statey-na-ekonomicheskie-temy-v-gazete>.

14. Никонова, Е. А. Гиперссылка как мультимодальный маркер эвиденциальности в электронных СМИ / Е. А. Никонова. — Текст : электронный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 1. — С. 106—112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/giperssylka-kak-multimodalnyy-marker-evidentsionalno-sti-v-elektronnyh-smi>.

15. Огнева, К. А. Текст информационно-аналитической статьи в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Огнева К. А. — Ставрополь, 2012. — Текст : непосредственный.

16. Тертыйный, А. А. Аналитическая журналистика : учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Тертыйный. — Москва : Аспект Пресс, 2013. — 352 с. — Текст : непосредственный.

17. Тертыйный, А. А. Модели аргументации в современных медиатекстах / А. А. Тертыйный. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. — 2016. — № 6. — С. 46—69.

18. Шатин, Ю. В. Постправда как риторический феномен в современном медиапространстве / Ю. В. Шатин. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2020. — Т. 19 — № 6: Журналистика. — С. 250—257.

19. Benthem, J. Logic and Argumentation / J. Benthem, F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, F. Veltman. — North-Holland, Amsterdam ; Oxford ; New York ; Tokyo, 1996. — 257 p. — Text : unmediated.

20. Bump, Ph. On the novelty of calling a killer a killer / Ph. Bump. — Text : electronic // The Washington Post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/03/18/novelty-calling-killer-killer/>.

21. Eemeren, F. Pondering on Problems of Argumentation Twenty Essays on Theoretical Issues / F. Eemeren, B. Garssen. — Springer (publishing house), 2009. — 304 p. — Text : unmediated.

22. Eemeren, F. The State of the Art in Argumentation Theory / F. Eemeren. — Text : unmediated // Crucial Concepts in Argumentation Theory. — Frans H. van Eemeren (ed.). — Amsterdam University Press, 2001. — P. 11—26.

23. Perelman, Ch. The New Rhetoric and the Humanities. Essays on Rhetoric and Application / Ch. Perelman. — Dordrecht, 1979 — 22 p. — Text : unmediated.

24. Perelman, Ch. Rhetoric: A Treatise on Argumentation / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. — Notre Dame ; London, 1969. — Text : unmediated.

25. Shakespeare, W. Hamlet / W. Shakespeare. — URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/evropa/england/shakespeare/hamlet4.htm>. — Text : electronic.

26. Toulmin, S. E. The Uses of Argument / S. E. Toulmin. — Cambridge University Press, 1958. — 262 p. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Alekseev, A. P. (2006). *Filosofskiy tekst: idei, argumentatsiya, obrazy* [Philosophical text: idea, argumentation, images]. Moscow. 328 p. (In Russ.)

2. Anisimova, T. V., & Krapchetova, T. V. (2010). *Manipulyatsiya kak kharakteristika institutsional'nogo diskursa* [Manipulation as a feature of institutional discourse]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdanie. 203 p. (In Russ.)

3. Barabash, V. V., & Kotelenets, E. A. (2016). *Informatsionnye voyny i mediynoe prostranstvo: teoreticheskie aspekty novykh izmeneniy* [Media wars and media landscape: theoretical aspects of the latest changes]. *Izvestiya VUZov. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 3(39). Retrieved from: <https://clck.ru/gMgme> (In Russ.)

4. Brutyan, G. A. (1984). *Argumentatsiya* [Argumentation]. Erevan. 105 p. (In Russ.)

5. Gudkova, K. V. (2009). *Kognitivno-pragmaticheskiy analiz argumentatsii v analiticheskoy gazetnoy stat'e (na materiale britanskoy pressy)* [Cognitive-pragmatic analysis of argumentation in the English newspaper article (on the material of the british media)] [Dissertation of Candidate of Philology]. Sankt-Peterburg. 184 p. (In Russ.)

6. Dobryakova, N. N. (2003). *Argumentativnoe soobshchenie kak edinitsa politicheskoy rechi. Pragmaticheskii i interaktsional'nyy aspekty analiza* [Argumentative message as an element of the political speech. Pragmatic and interactional aspects of the analysis] [Dissertation of Candidate of Philology]. Sankt-Peterburg. 200 p. (In Russ.)

7. Dolinin, K. A. (1983). *Implitsitnoe sodержание vyskazyvaniya* [Implicit content of the statement]. *Voprosy yazykoznanija*, 6, 37—47. (In Russ.)

8. Dorzhieva, D. Ts. (2018). *Spetsifika argumentativnoy struktury v tipe teksta "analiticheskaya stat'ya"* [Specific features of the argumentative structure in the "analytical article"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 7-2 (85). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-argumentativnoy-struktury-v-tipe-teksta-analiticheskaya-statya> (In Russ.)

9. Zaretskaya, E. N. (1999). *Ritorika: Teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii* [Rhetoric: theory and practice of communication]. Moscow. 480 p. (In Russ.)

10. Ivin, A. A. (2019). *Teoriya i praktika argumentatsii: uch. dlya bakalavrov* [Theory and practice of the argumentation: bachelor students book]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt. 300 p. (In Russ.)

11. Kara-Murza, S. G. (2000). *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation]. Moscow: Eksmo. Retrieved from <http://www.kara-murza.ru/manipul.htm> (In Russ.)

12. Karnegi, D. (2003). *Yazyk ubezhdeniya* [Language of persuasion]. Moscow. 288 p. (In Russ.)

13. Kotyurova, M. P., & Ketova, A. Yu. (2011). *Interpretatsiya i argumentatsiya v kommunikativnoy strategii avtora (na materiale analiticheskikh statey na ekonomicheskie temy v gazete «Ekonomika i zhizn'»)* [Interpretation and argumentation in the communicative strategy of the author (on the material of economic analytical articles in the newspaper "Economics and life")]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-i-argumentatsiya-v-kommunikativnoy-strategii-avtora-na-materiale-analiticheskikh-statey-na-ekonomicheskie-temy-v-gazete> (In Russ.)

14. Nikonova, E. A. (2022). *Giperssylka kak mul'timodal'nyy marker evidentsional'nosti v elektronnykh SMI* [Hyperlink as a Multimodal Marker of Evidentiality in Electronic Mass Media]. *Politicheskaya lingvistika*, 1, 106—112. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/giperssylka-kak-multimodalnyy-marker-evidentsionalnosti-v-elektronnyh-smi> (In Russ.)

15. Ogneva, K. A. (2012). *Tekst informatsionno-analiticheskoy stat'i v aspekte kognitivno-diskursivnoy paradigmy* [Text of the analytical article in the cognitive-discursive paradigm] [Abstract of dissertation of Candidate of Philology]. Stavropol' (In Russ.)

16. Tertychnyy, A. A. (2013). *Analiticheskaya zhurnalistika: uch. posobie dlya studentov vuzov* [Analytical journalism: university students book]. Moscow: Aspekt Press. 352 p. (In Russ.)
17. Tertychnyy, A. A. (2016). Modeli argumentatsii v sovremennykh mediatekstakh [Argumentative models in the modern media texts]. *Vestnik Moskovskogo un-ta (Ser. 10, Zhurnalistika)*, 6, 46–69. (In Russ.)
18. Shatin, Yu. V. (2020). Postpravda kak ritoricheskiy fenomen v sovremennom mediaprostranstve [Posttruth as a rhetoric phenomenon in the modern media landscape]. *Vestnik NGU (Seriya: Istoriya, filologiya)*, 19(6), 250–257. (In Russ.)
19. Benthem, J., Eemeren, F. H. van, Grootendorst, R., & Veltman, F. (1996). *Logic and Argumentation*. North-Holland, Amsterdam, Oxford, New York, Tokyo. 257 p.
20. Bump, Ph. *On the novelty of calling a killer a killer*. The Washington Post. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/03/18/novelty-calling-killer-killer/>
21. Eemeren, F., & Garssen, B. (2009). *Pondering on Problems of Argumentation Twenty Essays on Theoretical Issues*. Springer (publishing house). 304 p.
22. Eemeren, F. (2001). The State of the Art in Argumentation Theory. In *Crucial Concepts in Argumentation Theory* (pp. 11–26). Amsterdam University Press.
23. Perelman, Ch. (1979). *The New Rhetoric and the Humanities. Essays on Rhetoric and Application*. Dordrecht. 22 p.
24. Perelman, Ch. (1969). *Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. Notre Dame, London.
25. Shakespeare, W. *Hamlet*. Retrieved from <http://www.rus.sianplanet.ru/filolog/evropa/england/shakespeare/hamlet4.htm>
26. Toulmin, S. E. (1958). *The Uses of Argument*. Cambridge University Press. 262 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

On the novelty of calling a killer a killer

By Philip Bump

March 18, 2021 at 9:41 a.m. EDT

(1) As a parent of a 4-year-old, I am now more keenly aware than ever of the flexibility of language. If you haven't been asked to explain, for example, what we mean by "cool" in the context of slang, I encourage you to think about the intricacy of the task.

(2) Or, more topical to the moment, consider the word "killer."

(3) This was long one of Donald Trump's preferred descriptors for people he considered tough. The negotiators from other countries who were dealing with the United States, he insisted during the 2016 campaign, were "total killers," as were the negotiators he'd pull from Wall Street to face off with them. His business troubles in Atlantic City? You need to understand that the lenders "weren't babies" but were, instead, "total killers." Some Democrats or members of the media were also killers, which Trump offered as a warning. Being identified as a killer in the context of finance, dealmaking or politics constituted a compliment from the former president.

(4) He also used the term in its more literal formulation, of course. MS-13 gang members were killers, as were some nebulously bounded group of immigrants. To Trump, the effect was the same: that frisson of danger which he used either as praise or condemnation.

(5) Then there were the edge cases, those whose strength Trump admired but who were, you know, killers. Like Russian President Vladimir Putin.

(6) Over and over, Trump was presented with questions about the frequency with which critics of Putin met with untimely ends. And over and over, Trump demurred, either shrugging at others' concerns or equating Putin's behavior with that of the United States.

(7) In December 2015, Trump appeared on MSNBC's "Morning Joe," where the hosts challenged him on his appreciation of a compliment he claimed Putin had given him. (Putin hadn't, really, but that's a different story.)

(8) "He kills journalists that don't agree with him," Joe Scarborough said to Trump.

(9) "Well, I think that our country does plenty of killing, too, Joe," Trump replied.

(10) A few days later, Trump tried to contextualize his response.

(11) "Nobody has proven that he's killed anyone," he said on ABC's "This Week." He offered an odd addendum: "You're supposed to be innocent until proven guilty, at least in our country. It has not been proven that he's killed reporters."

(12) After being elected president, Trump was interviewed by Fox News. Bill O'Reilly again challenged Trump on Putin, calling the Russian president a killer.

(13) "There are a lot of killers," Trump replied. "Do you think our country is so innocent?"

(14) Over and over, Trump declined to apply the term to Putin directly, excusing or downplaying what Putin's alleged to have done. (It is true that Putin has not been tried for and convicted of murder, but setting that as the bar for culpability seems a bit naive.) It was a subtle part of Trump's long-standing antipathy toward holding Putin to account, an approach that helped contribute to questions about his relationship with the Russian leader.

(15) Trump responded to those questions with dubious assertions about how he'd been tougher on Putin and Russia than any other president. After news reports last year suggested that Russia was again hoping to influence the presidential contest to defeat Trump's opponent, Joe Biden, Trump rejected the idea.

(16) "If I win — they're hoping that Biden gets in, because — and China is hoping that Biden gets in," he said in an interview on Fox News in September. "Russia, probably they want Biden, because look, nobody's been tougher to Russian than me, nobody."

(17) In August, he'd made a similar claim: Russia, China and Turkey were all hoping for Biden's election because of how tough Trump himself had been.

(18) Intelligence officials disagreed. This week, the director of National Intelligence released a report outlining how Russia and Iran, in particular, had sought to influence the outcome of the 2020 election, with Russia's preferred candidate being Trump, not Biden. Putin himself had likely been involved in pushing for Trump's success, the report suggested, in keeping with the Russian effort in 2016.

(19) Why? Because "Russian leaders viewed President Biden's potential election as disadvantageous to Russian interests," the report states, even though the country did view some Trump policies as "anti-Russia."

(20) Earlier this week, President Biden offered a symbolic glimpse of the difference between his approach to Russia and Trump's.

(21) "So you know Vladimir Putin," ABC News's George Stephanopoulos said to Biden in an interview. "You think he's a killer?"

(22) "Mmm hmm," Biden replied. "I do."

(23) That one passive declaration, a seemingly obvious one from an American president, triggered a robust response from Russia.

(24) "These statements from the president of the United States are very bad," Putin's spokesman Dmitry Peskov said in response.

(If Peskov's name sounds familiar, it may be because he was involved in an effort by Trump's attorney to negotiate a real estate deal in Moscow in early 2016.) "It is clear that he does not want to get the relationship with our country back on track, and we will proceed from that," Peskov added.

(25) A senior member of Russia's parliament called the remarks "boorish." Putin himself offered a rubber-glue rejoinder: "It takes one to know one." Russia recalled its ambassador to the United States, either because of Biden's comment, because of that report on Russian interference or both.

(26) Geopolitics is a complicated thing, and Russia's response may be exaggerated for effect. But there was a response, one that reflected frustration with Biden — something which Trump's what-even-is-a-killer commentary never yielded. All for an "I do."

(27) Putin's response wasn't simply to imply that Biden was somehow a killer. He also offered a comment which, given the context, has a necessarily sinister edge.

(28) "I would say to him: I wish you good health," Putin said.

(29) Language is an intricate thing.